

УДК 94(571.17):[622.012.2+553.94]"171/176"

**ОТКРЫТИЕ И ОСВОЕНИЕ РУДНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ И КАМЕННОГО УГЛЯ
В КУЗНЕЦКОМ КРАЕ В 1710-х – 1760-х ГОДАХ**

И. Ю. Усков

**DISCOVERY AND DEVELOPMENT OF ORE DEPOSITS AND COAL IN KUZNETSK REGION
IN THE 1710S – 1760S**

I. Yu. Uskov

В статье определены причины поиска полезных ископаемых со стороны основных групп исследователей – рудознатцев-практиков (М. Волков, С. Костылев, К. Гордеев, Я. Панов, И. Шестаков) и ученых-путешественников (Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, Э. Лаксман) в начальный период промышленного освоения региона. Обоснован факт первооткрытия кузнецкого каменного угля рудознатцем М. Волковым и проанализирована его промысловая деятельность. Выявлены проекты использования каменного угля в металлургическом производстве (Берг-коллегия, А. Демидов) и строительства на данной территории медеплавильных заводов (В. Н. Татищев). Изложены причины отсутствия промышленных разработок месторождений каменного угля (неконкурентоспособность с древесным топливом; необходимость изменения технологического процесса металлургических печей, невозможность транспортировки водным путем на Урал). Рассмотрена попытка возобновления добычи серебряной руды на реке Каштак (Н. Клеопин, И. И. Шишков, П. Старцов, А. Иванов).

The paper reveals the process of discovering new deposits of ores and coal, as well as their practical application in the initial period of the industrial development of the region. The paper defines the reasons for searches for minerals by major groups of researchers – dowsers-practitioners (M. Volkov, S. Kostylev, K. Gordeev, I. Panov, I. Shestakov) and scientists-travelers (D. G. Messerschmidt, G. F. Miller, I. G. Gmelin, E. Laxman). The fact of Kuznetsk hard coal discovery by the dowser M. Volkov is justified, and his activities are analyzed. The projects of using hard coal in metallurgical production (Berg-Collegium, A. Demidov) and construction of copper smelters in the area (V. N. Tatishchev) are revealed. The reasons for the lack of industrial development of coal deposits are identified (uncompetitiveness with wood fuel, need for change in the metallurgical furnaces process, inability to transport by water to the Urals). The attempt of silver mining renewal on the river Kashtak (N. Kleopin, I. Shishkov, P. Startsov, A. Ivanov) is considered.

Ключевые слова: открытие кузнецкого каменного угля, проекты строительства медеплавильных заводов; Каштакский рудник.

Keywords: Kuznetsk hard coal discovery, projects of copper smelters construction, Kashtaksky mine.

С природными ресурсами Кузнецкого края русское население столкнулось в XVII в. в процессе его хозяйственного освоения. Уже в конце столетия была предпринята попытка наладить добычу серебряной руды, найденной на р. Каштак в северо-восточных отрогах Кузнецкого Алатау.

Однако подлинное открытие природных богатств края произошло в XVIII в., когда поиск полезных ископаемых по всей территории России становится делом государственной важности. Среди причин этого явления стали необходимость ликвидации зависимости России от импорта черных и цветных металлов и значительно возросший, прежде всего, в связи с нуждами армии в годы Северной войны спрос внутреннего рынка. Законодательная основа была заложена именными указами Петра I (1700 г.) об учреждении приказа Рудокопных дел и о прииске золотых, серебряных, медных и иных руд. Свобода поисков и разработки полезных ископаемых, награждение за открытие серебряных и медных руд подтверждались именным указом об учреждении Берг-коллегии (1719 г.) [22, № 1812, с. 75; № 1815, с. 79 – 80; 23, № 3464, с. 760 – 762]. На Урале в г. Уктусе был организован Сибирский обер-бергамт, ведавший горными разведками и заводами в регионе. Его начальником стал один из «птенцов гнезда Петровых», талантливый администратор – В. Н. Татищев.

Немалая заслуга научного открытия Сибири принадлежала Петербургской Академии наук. Проблемы

развития производства и освоения природных богатств, удовлетворения потребностей мореплавания, метеорологии и картографии изначально концентрировали исследовательскую деятельность академии на комплексном познании внутренней территории России, прежде всего, в естественноисторическом отношении путем научных описаний и составлением ландкарт [13, с. 258].

История открытия и освоения природных богатств Кузбасса в дореволюционный период является сложившимся в местной историографии исследовательским направлением [4; 11; 12; 15; 31; 36; 39]. Между тем начальный период этого процесса (до постройки в 1771 г. на р. Томь-Чумыш первого железоделательного завода) получил фрагментарное освещение. Целью настоящей статьи является раскрытие процесса последовательного открытия рудных месторождений и каменного угля в Кузнецком крае с конца 1710-х по 1760-е годы, выявление выдвигавшихся проектов строительства заводов и использования обнаруженных полезных ископаемых.

Особенность сибирского рудоискательства в начале XVIII в. заключалось в том, что основным поисковым признаком были остатки древних горных выработок – «чудские копи». Передатчиком достижений древних рудокопов стало коренное население региона, так, в реестре рудных заявок 1732 – 1734 гг. прямо указывалось, что железная руда «взята в Кузнецком

уезде у ясачных иноземцев, которые плавят в малых печах в кришное железо» [12, с. 38].

Рудоискательство в Среднем и Верхнем Приобье в 10 – 20-х гг. XVIII в. связано с именами Степана Костылева и его «товарищей»: Михайлы Волкова, Леонтия Останина, Фёдора Комарова и Ивана Горбунова.

Длительное время биография знаковой для истории края фигуры, первооткрывателя кузнецкого каменного угля – рудознатца Михайлы Волкова, оставалась неизвестной, что способствовало восприятию его образа как полумифического, «баснословного героя», подобного героям народных эпосов [38, с. 32]. Благодаря вводу в научный оборот новых документов и их интерпретации исследователями стало возможным раскрыть страницы биографии рудознатца.

Социальное происхождение Михайлы Волкова проясняет доношение рудознатца в Берг-коллегию (январь 1721 г.) об открытии им в Западной Сибири различных рудных месторождений – *тобольский казачий сын* [14, с. 45]. Документ опровергает существовавшую в историографии версию о крепостном происхождении рудознатца. Сейчас наиболее аргументированной представляется точка зрения о том, что отцом рудознатца являлся пашенный крестьянин Красномыской слободы Тобольского уезда Михайло Аверкиев Волков, который между 1710 и 1717 гг. вместе с семьей переселяется в Коркину слободу того же уезда (ныне город Ишим Тюменской области), где был записан в беломестные казаки [3, с. 81].

Промысловая деятельность Михайлы Волкова по источникам прослеживается с 1717 г., когда он «с товарищами» отправился из Чаусского острога Томского уезда на Алтай, к Белоярской крепости, вероятно, для расширения зоны рудоискательской деятельности. Однако приказчик С. Серебрянников не принял промысловиков для проживания в крепости и отправил обратно, вследствие чего группа вынуждена была пойти дальше на юг «вверх по Оби-реке под Чемры» (речка Чемровка, правый приток реки Оби, недалеко от слияния Бии и Катуня) [10, с. 24 – 25].

В 1719 г. Волков находился в группе рудознатцев в не разрешённой властями экспедиции в верховьях реки Алей. Открыв шесть месторождений медной руды, С. Костылев и Ф. Комаров, учитывая опыт общения с местными властями, сказали государеву «слово и дело» и были отправлены из Томска в Тобольск и далее в Москву в Преображенский приказ для проведения следствия [29, с. 296]. Михайло Волков же дошёл до Иртыша, так как 1720-й год он встретил в Омской крепости, где был «для звериного промыслу». Здесь рудозналец сказал государеву «слово и дело» и был прислан в Тобольск, где подал доношение о прииске руд в Томском уезде. Так как самих минералов Волков не представил, для подтверждения заявления из Тобольска вместе с рудным мастером Ф. Инютиным его посылают в Томск. Волков показал мастеру места находок по рекам Порос, Ояш и Шегарка, а также «вверх по Томи до Красной горы, и у той горы руды приискали, и, взяв сверху той горелой земли, и говорил [Ф. Инютин] та де земля значит добрую серебряную руду» [цит. по: 14, с. 45].

В Кунгуре выяснилось (октябрь 1720 г.), что руда оказалась пустой породой. Волков подал донос на Ф. Инютина в не прииске им в Томском уезде руд и о

взятках с жителей Чаусского острога. По розыску на месте дознались, что рудный мастер взял с жителей 400 руб. деньгами, несколько «косяков» камки и других подарков и о руде утаил. Узнав о грозившей беде, Инютин бежал и скрылся у А. Демидова на Невьянском заводе [28, с. 281 – 282].

Собственное доношение Михайлы Волкова о поисках руд (январь 1721 г.) является первым официальным документом, извещающим о месторождении каменного угля на территории будущего г. Кемерово. Но понимал ли сам рудозналец, что он открыл? Документ прямо свидетельствует, что красный охристый цвет «горелой земли» ассоциировался не только у него, но и у мастера Инютина с «доброй серебряной рудой».

Сибирское горное начальство для изучения месторождений, заявленных Костылевым и Комаровым, а также для повторного обследования мест, указанных Волковым, в мае 1721 г. направляет в Томск немецкого горного специалиста П. Прифцена (Бривцына) в сопровождении самого рудознатца и «для письма и всякой помощи» Н. Петрова.

В Томске выяснилось, что С. Костылев уже вновь уехал на горный промысел, и встреча с ним состоялась слишком поздно для продолжения экспедиции на Алтай. Зато 11 сентября 1721 г. Прифцену была показана «вверх по Томе реке, от Верхотомскова острогу семь верст, красная горелая гора, а вышина той горе дватцат[ь] сажен. А признаки и слои в той горе разными виды, а слоями и признаками лежит на полдень. А толстота тем слоям по аршину, и по два, и по три аршина. И изо оной горы взято признак, на которых явствуют потписи. А при том месте прилегло сосновых лесов малое число. А удобных рек к заводу в близости нет, разве в семи или в десяти верстах обрести мочно; тако ж против того и лесов...» [21, док. № 7].

Как отмечает В. Б. Бородаев, речь в приведенном фрагменте идет о возможности строительства вододельствующего рудоплавильного завода, работающего на древесном угле из сосновых дров. В отчёте Прифцена каменный уголь не упомянут, Красная гора (ныне в черте г. Кемерово) вновь была признана рудным месторождением [2, с. 27].

Экспедиция П. Прифцена вернулась в Кунгур 10 – 12 февраля 1722 г. Здесь и был, скорее всего, определён кемеровский уголь. «Реэстр рудам» с «№ 1. Уголь каменной из Томска, доносителя Михайла Волкова» содержится в доношении Сибирского обер-бергамта в Берг- и Мануфактур-коллегии, отправленном 7 мая 1722 г. за подписью И.-Ф. Блюэра и И. Патрушева [20, с. 106].

Рудознатцы до получения ответа из Берг-коллегии были направлены к горным работам на Подволошный рудник. В следующем 1723 г. Волков переводится на Григоровский рудник восстанавливаемого Пыскорского медеплавильного завода. Вероятно, нахождение в подмастерьях (направлялся «для науки к добыче руд») стало не по нраву решительному и вольнолюбивому Михайле Волкову и он в этом же году сбегает с рудника [7, л. 230], чем поставил себя вне закона.

Без образа Михайлы Волкова невозможно представить современный Кузбасс и особенно его административный центр – город Кемерово. Для тобольского казачьего сына открытие в 1718/1719 годах на реке

Томи Горелой горы – лишь эпизод в нелегкой жизни промысловика. Предполагая местонахождение здесь рудных запасов, М. Волков дважды – в 1720 и 1721 годах – возвращается к ней с представителями сибирского горного начальства. Вместо руды последняя экспедиция доставила в феврале 1722 г. на Урал образцы каменного угля – полезного ископаемого, разработка которого станет важным фактором становления индустриального региона Западной Сибири.

Месторождение полезного ископаемого, которое выходит на дневную поверхность и резко, бьющим в глаза образом, отличается от окружающих его пород, было известно местным жителям. Сохранилась дневниковая запись от 28 апреля 1721 г., согласно которой ученому-путешественнику Д. Г. Мессершмидту и сопровождавшему его Ф. И. Страленбергу, о каменном угле у Верхотомского острога сообщил в Томске пленный шведский лейтенант Ehnberg [1, р. 93; перевод В. Ю. Гейера]. Заслуга М. Волкова, по замечанию В. Б. Бородаева, заключалась в том, что он первым посмотрел на Красную гору глазами промысловика-искателя, начал процедуру ее геологического открытия [2, с. 25].

Берг-коллегия, разбирая донесение 1722 г. Блюэра и Патрушева, выдвинула вопрос о практическом использовании найденного Волковым минерального топлива: «о оном угле осведомить – невозможно ль оттуда водяным путем к заводам или к рудным каким промыслам возить, и о том рапортовать» [20, с. 105]. В данном случае имелись в виду заводы восточных склонов Урала, так как на Алтае их еще не было. Знаменательно, что использование кузнецкого угля сразу по его открытию было поставлено в связь со снабжением топливом уральской промышленности, однако до его разработки в то время дело не дошло. Доставка угля к уральским заводам по Томи и Оби была не под силу транспорту XVIII в., да и в конкурентоспособности с древесным топливом каменный уголь явно проигрывал [12, с. 41 – 42]. В. Н. Татищев в своих работах по географии Сибири (1736 – 1744), отмечая наличие каменного угля «во многих местах, яко в Томском, також и Угории», дополняет: «хотя таковой камень в Англии вместо дров употребляют, но в Сибири за великим доволством дров никогда не употребляем» [34, с. 67, 159]. Незаработанность месторождения, вероятно, сказалась на факте отсутствия сведений о нем в описаниях Томского уезда специалистов и путешественников XVIII в., а именно И. И. Шишкова (1739 – 1741 гг.) и И. П. Фалька (1771 г.) [9, с. 87; 35, с. 537].

М. Волков в своем доношении указывал, что он знает «в Кузнецком уезде гору, которая ныне горит, а в той горе садитца сера горячая многое число». Вероятно, это та самая «Огнедышащая гора» (горел пласт юрского угля), находящаяся на правом берегу р. Томи, выше устья ее притока р. Абашевой, которую принимали за вулкан ученые-путешественники Д. Г. Мессершмидт (1721 г.) [14, с. 43] и И. Г. Гмелин (1734 г.) [6, с. 160].

В 1745 г. М. В. Ломоносов, редактируя русский перевод «Минерального каталога» Кунскамеры, в группе «Земли» отмечает: «66. Серая земля, наподобие каменного угля, или лучше сказать: смуроватая глина; найдена при устье реки Абашовы, которым

впала в Тому; за *Мессершмидтовым клеймом*. 150. Земля с белыми и красными пестринами, найденная в огнедышащей горе при устье реки Абашовы, которым впала в реку Томь»; в группе «Жирные минералы»: «153. Каменное уголье в небольших прутиках; при устье Абашовы найдено. 154. Каменное уголье, светящееся, слоеватое; от реки Абашовы» [17, с. 76, 82, 97].

Таким образом, Ломоносов зафиксировал каменный уголь, найденный 10 августа 1721 г. [обоснование даты: 14, с. 42, 46] доктором медицины Д. Г. Мессершмидтом у «огнедышащей горы» около города Кузнецка.

Сведения о сибирских рудах заинтересовали уральского промышленника А. Демидова, который после подтверждения данных о наличии больших запасов меди, содержащей серебро, добился разрешения (1726 г.) добывать руду и строить заводы на Алтае.

Вначале 1730-х гг. разведки полезных ископаемых по поручению Сибирского Обер-берг-амта в районе рек Оби, Иртыша, Томи и др. производила крупная геологическая партия под руководством К. Гордеева.

В 1732 г. боярский сын Иван Шестаков и отставной казак Яков Панов объявили о нахождении серебряных и медных руд недалеко от г. Кузнецка по берегам р. Кондомы, около двух пудов образцов было доставлено в уездную воеводскую канцелярию [20, с. 89].

Перспективу создания в Кузнецком уезде базы металлургического производства видел В. Н. Татищев. Вновь получив назначение на должность главного начальника горных заводов Урала и Сибири, он в письме от 13 марта 1734 г. к императрице Анне Иоанновне дал высокую оценку местным рудным месторождений: «наибольшие сокровища искать надобно в Томском и Кузнецком уездах... Оные руды сеть лучшие и богатейшие по всей Сибири и подобных оным до днесь не сыскано...» [цит. по: 31, с. 248] (датировка письма см.: [9, с. 6 (прим. 10)]. В полученной правительственной инструкции (23 марта 1734 г.) Татищеву, помимо прочего, было указано «ехать в Томской и Кузнецкой уезд, и стараться, чтоб тамо сильные заводы построить, и доходы казны умножать» [24, № 6559, с. 292 (пункт 10)].

В сентябре 1734 г. территория Кузнецкого уезда была обследована участниками Академического отряда 2-ой Камчатской экспедиции, в результате чего его руководителями И. Г. Гmeliным и Г.-Ф. Миллером в доношении в Сенат (2 января 1735 г.) также выдвигался проект «ради казенного интересу» строительства в уезде базы черной металлургии. Для этого предполагалось использовать как железнорудные месторождения, так и обнаруженные месторождения каменного угля: «А лучшая железная руда имеется по реке Кондоме на текущей в оную Мандабаше реке, по Мразе на впадающей во оную реку Тагана речки, по последней мере можно бы там столко железа зделать, сколько в обоих сих [Томском и Кузнецком] уездах ежегодно на продажу исходит... К тому ж везде по реке Томе каменных угольев великое множество находится, от которых та прибыль есть, что их не надобно наперед жечь, так как из дерева, да от них же

перед другими угольями и болше жару бывает» [33, л. 117; 37, с. 23].

Всего В. Н. Татищевым предполагалось построить в Сибири 30 заводов. С целью привлечь в этот процесс частный капитал он добивается именного указа Анны Иоанновны от 16 декабря 1735 г. «О дозволениях учреждать рудокопные заводы» [24, № 6841, с. 609]. Строительство медеплавильных заводов намечалось и в Кузнецком уезде, что отмечено Татищевым в «Общем географическом описании всея Сибири» (1736 г.) [34, с. 69].

Однако данному проекту в это время не суждено было реализоваться. «Охотников» для заведения заводов не оказалось. Единственным промышленником на Алтае оставался А. Демидов, чьи предприятия из-за наличия в алтайских медных рудах серебра и золота на короткий срок (1735 – 1736 гг.) отходили в казенную собственность под начало Томского горного правления. Достаточно быстро Демидову удалось добиться возвращения взятых в казну его алтайских предприятий.

В апреле 1739 г. Демидов получает от Генерал-Берг-директориума привилегию на разработку обнаруженного «подле реки Томи под городом Кузнецким» угля, а также право поисков «в объявленных и других местах Томского, Кузнецкого и Енисейского ведомств оного угля и других металлов и минералов» [20, с. 108, 111].

Именно при Акинфии Демидове на Кольваново-Воскресенском заводе были проведены первые опытные плавки алтайских руд на кузбасском каменном угле, хотя и закончившиеся неудачно. Столь знаменательный для истории кузбасской промышленности факт известен благодаря «Описанию Сибирской губернии Удорской провинции Кузнецкого уезда» (1742 – 1743 гг.) геодезиста И. И. Шишкова. В документе отмечается: «Из некоторых мест с реки Ини каменной уголь возжен был для пробы ... в Кольвановской завод. И произносится слух, что за негодности брошен, ибо де кладен в плавильную медную печь, от которого ис той печи медь не пошла, оною печь от того угля разорвало» [9, с. 171 – 172]. Между тем промышленник ставил вопрос о практическом применении каменного угля в том или ином месте производственного цикла. В 1744 г. Демидов просил бригадира А. В. Безра, посланного для инспекции на алтайские предприятия, освидетельствовать каменную уголь, «на какое употребление он явитца удобнее, в плавильных печках или на гермахерские горны» [36, с. 125].

Однако и во второй половине XVIII в. заводы продолжали работать на древесном угле, перевод металлургических печей на каменный уголь требовал значительных изменений в технологическом процессе, к чему местные инженеры не были подготовлены.

В начале 1740-х годов внимание специалистов занял вопрос о возможности возобновления добычи серебряной руды на р. Каштак.

8 февраля 1740 г. по пути из Красноярска в Томск речку Каштак пересек Г.-Ф. Миллер [18, с. 221]. Так как в силу зимнего времени осмотреть рудник было невозможно, то ученый в письме задержавшемуся в Красноярске И. Г. Гмелину просил его изучить рудокопное место. В сентябре 1740 г. Гмелин побывал на брошенном руднике, взял образцы руды и опробовал

их в Томске, но обнаружил в ней только свинец [19, с. 44].

Через два – три дня после Гмелина, 17 сентября 1740 г., место бывшего острога и рудника было осмотрено бергмейстером Н. Клеопиным, который находился в Томском и Красноярском уездах с целью осмотра медных рудных приисков. Во время осмотра предприятия рудных признаков обнаружено не было. Тем не менее Клеопин, исполняя свои служебные обязанности, ставит задачу установить причину запущения рудника и возможность возобновления промысла. В сентябре 1742 г. на Алапаевском заводе состоялась его встреча с Гмелиным, в результате которой бергмейстером был составлен «Экстракт» о деятельности рудника, представленный в канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов [8, с. 35 – 43]. 17 сентября 1744 г. Клеопин известил своим доношением Берг-коллегию о серебряном промысле на р. Каштак, чтобы «надлежащее решение учинено быть могло» [27, л. 509 – 518].

В 1741 г. рудные выработки на Каштаке вновь были осмотрены, теперь уже геодезистом И. И. Шишковым и его учеником П. Старцовым [9, с. 85].

В мае 1747 г. заводы и рудники А. Демидова перешли в ведомство Кабинета Е. И. В. [25, № 9403, с. 700 – 701], став основой крупного административно-хозяйственного комплекса на юге Западной Сибири – Кольваново-Воскресенского (Алтайского) горного округа.

В августе 1749 г. П. Старцов сообщил Канцелярии Кольваново-Воскресенского горного начальства о ранее осмотренном руднике. Для освидетельствования горных работ при Каштаке Канцелярия отправила с Барнаульского завода рудознатца Архипа Иванова, который уже 12 сентября представил семь образцов горных пород и плавильных продуктов, взятых с мест, где производились работы. Однако образцы при лабораторном испытании не выявили содержания металлов [32, с. II – III].

После перехода алтайских рудников и заводов в ведение Кабинета поиск месторождений руд и каменного угля в регионе продолжался, в том числе лицами, находящимися на службе Канцелярии Кольваново-Воскресенского горного начальства. Некоторые из них впоследствии стали членами Петербургской Академии наук. Поэтому на Алтае встречается один из первых примеров плодотворного сотрудничества науки и производства.

В марте 1764 г. в Барнаул на должность пастора лютеранского прихода прибывает будущий академик Э. Лаксман, который совмещал службу с научными наблюдениями. В районе Томска и р. Чулым исследователь нашел слой каменного угля, а «с местности у реки Лебедь» он привозит образцы бурого каменного угля [16, с. 33, 365]. Современные исследователи биографии Э. Г. Лаксмана ошибочно связывают с находкой угля на берегах р. Лебедь (приток Бии) начало изучения богатств Кузнецкого угольного бассейна [26, с. 40], тем более что место, вероятно, было указано неточно, так как о месторождении каменного угля на данной реке ничего не известно.

Промышленный потенциал Кузнецкой округи уже в середине XVIII в. предопределил выделение ее как отличительной территории. Сибирский губернатор

Ф. И. Соймонов в своей работе впервые провел экономическое районирование Сибири. Кузнецкий край вошел в третью (из шести выделенных) часть: «от Тобольска в южную сторону между рек Иртыша и Оби Барабинскую степь и к югу лежащие места по Колыванской и Кузнецкой линии, около которой находящиеся серебряные и золотые рудники и заводы, как ныне изобилуют, так и впредь бесумненную надежду подают. И по справедливости именовать те

места *Золотым дном* за приличное почитается» [30, с. 454].

Необходимость для обустройства рудников и заводов округа железом и чугуном стала причиной строительства Томского железоделательного завода – первенца черной металлургии Кузбасса, с пуском в строй которого (1771 г.) начинается новая страница в истории промышленного развития края.

Литература

1. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720 – 1727. Berlin, 1962. Teil. 1.
2. Бородаев В. Б. Архивные материалы о Михайле Волкове и открытии Кемеровского месторождения каменного угля на Красной горке // Историко-культурное наследие: сохранение, использование: науч. практ. конф. (2007, Кемерово). Кемерово: АРФ, 2008.
3. Волков В. Г. Алтайские рудознатцы первой трети XVIII в.: происхождение и роль в первоначальном освоении территории Верхнего Приобья и Алтая // Ползуновский альманах. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2004. С. 80 – 87.
4. Волчек В. А. Изучение юга Западной Сибири в XVIII веке // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово-Городок, 2002. С. 135 – 151.
5. Геология СССР. Т. XVI. Кузнецкий бассейн / ред. В. И. Яворский. М.; Л.: Госгеолиздат, 1940. 783 с.
6. Гмелин И. Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе – сентябре 1734 г. // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1994. Вып. 2.
7. Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 22.
8. Добжанский В. Н., Усков И. Ю. Новый документ о сереброплавильном промысле на р. Каштак // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. Вып. 5.
9. Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730 – 1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): сб. документов / авт. вступ. ст. и археограф. справки В. Б. Бородаев, А. В. Контев. СПб.: Европейский дом, 2010. 260 с.
10. История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX века: сб. / сост. Ю. С. Булыгин и др. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1991. 351 с.
11. История Кузбасса: в 2 ч. / гл. ред. А. П. Окладников. Кемерово: Кн. изд-во, 1967. Т. I – II. 376 с.
12. Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700 – 1860 годах. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1963. 216 с.
13. Киселев А. В. Роль Санкт-Петербургской Академии наук в становлении краеведения // Ученые записки НИИ прикладной культурологии. Кемерово, 2007. Т. 1(3).
14. Ковтун И. В. От «письмагоры» до «огнедышащей горы»: открытие петроглифов и угля в Кузнецкой котловине // Сборник научных трудов ИЭЧ СО РАН: сб. статей. Кемерово: б/и, 2010.
15. Крылов Г. В., Завалишин В. В., Козакова Н. Ф. Исследователи Кузбасса. Кемерово: Кн. изд-во, 1983. 168 с.
16. Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка / пер. со швед. Э. Паландер. СПб.: тип. им. Академии наук, 1890. 488 с.
17. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений; гл. ред. С. И. Вавилов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5. 746 с.
18. Миллер Г. Ф. Путешествие из Красноярска в Томск, 1740 г. // Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. С. 209 – 233.
19. Обручев В. А. История геологического исследования Сибири: Период первый. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 153, 18, IV с.
20. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России: исследование и документы / Сост. под рук. А. А. Зворыкина. М.; Л.: Углетехиздат, 1952. 356 с.
21. Перевалов В. А. Новые документы о горнозаводском деле на Урале и в Сибири в первой четверти XVIII в. (по материалам ГАСО) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2003. Вып. 9. URL: www.ihist.uran.ru/index/gu/uiv/n9/218
22. Полное собрание законов Российской империи, I собрание (ПСЗ РИ – I). СПб., 1830. Т. IV.
23. ПСЗ РИ – I. СПб., 1830. Т. V.
24. ПСЗ РИ – I. СПб., 1830. Т. IX.
25. ПСЗ РИ – I. СПб., 1830. Т. XII.
26. Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Эрик Густавович Лаксман, выдающийся путешественник и натуралист XVIII в. Л.: Наука, 1971. 274 с.
27. Российский государственный архив древних актов. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 854 (сообщено В. Н. Добжанским).
28. Рожков В. Деятельность артиллерии-капитана В. Н. Татищева на Уральских заводах в царствование Петра Великого // Горный журнал. 1884. Т. III. № 8. С. 94 – 128, 246 – 282.
29. Серебряный венец России (очерки истории Змеиногорска) / Упр. арх. дела адм. Алт. края. Барнаул, 1999. 520 с.

30. Соймонов Ф. И. Древняя пословица СИБИРЬ ЗОЛОТОЕ ДНО // Ежемесячные сочинения. 1761. Ч. 2.
31. Сорокин М. Е. Из истории разведки полезных ископаемых на территории Кузбасса // Краевед Кузбасса: Мат. к науч. конф. Новокузнецк, 1970. Вып. 2.
32. Спасский Г. И. Две грамоты о начале горного промысла в Сибири // Вестник ОИДР. 1850. Кн. 7.
33. СПб Ф АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 24.
34. Татищев В. Н. Избранные труды по географии России; под ред. А. И. Андреева. М.: Географиздат, 1950. 248 с.
35. Фальк И. П. Записки путешествия // Полное собрание учёных путешествий. СПб., 1824. Т. 6. 546 с.
36. Шемелев В. И. История Кузбасса с древнейших времен до отмены крепостного права; сост. вступ. ст. М. М. Кушниковой, В. А. Сергиенко, В. В. Тогулева. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. 368 с.
37. Элерт А. Х. Герард Фридрих Миллер и научное открытие Сибири // Три столетия академических исследований Югры: От Миллера до Штейница. Екатеринбург, 2006. Ч. I.
38. Юдин Ю. Чёрный квадрат. Баснословные сказания об угле и горняках. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. 227 с.
39. Яворский В. И. Очерк по истории геологического исследования Кузнецкого бассейна. М.: Госгеолтехиздат, 1962. 144 с.

Информация об авторе:

Усков Игорь Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института экологии человека СО РАН, Yskov74@gmail.com.

Igor Yu. Uskov – Candidate of History, Associate Professor, Researcher at the Institute for Human Ecology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.